

Жорин П.

7.07.92

Михаил Петрович Нестеров. Мастерская.

1961 г. Павел Корин

У Павла Корина в день столетия

Андрей ЗОЛОТОВ, «Известия» — 1992. — 7 июля.

Эти слова произносятся и ложатся на газетный лист в утро 7 июля 1992 года. Должно быть именно в эти минуты в историческом русском селе Палех идет в местной церкви торжественная служба в память и честь Павла Корина. Этот большой русский художник, человек праведной жизни, в скромности, тишине, мудром размышлении и могучем [микеланджеловском] неистовстве трудившийся в мировом искусстве XX века все отмеренные ему 75 лет жизни, родился здесь, в Палехе, 7 июля ровно 100 лет назад.

Михаил Васильевич Нестеров в одном из писем от апреля 1929 года писал другу: «Корин или Корины — особое дело! Эта порода людей сейчас вымирает и, быть может, обречена на полное уничтожение. И, однако, пока они существуют, я не устану ими любоваться. Любоваться моральными, душевными их свойствами... Павел Дмитриевич имеет почти все, чтобы быть большим художником, мастером, художником с большим специальным умом и сердцем. У него есть все, что ценилось в мое время, что было в лучших художни-

ках моей эпохи. И что, надеюсь, еще когда-нибудь и как-нибудь вернется, как неизбежная реакция... салонной болтовне и всеческому моральному безразличию. Как ни велики силы зла, но и добро могущественно...». Столетие Павла Корина подошло хоть и неожиданно, но воспринимается естественно, даже радостно, оно воспринимается в освещении золотых лучей его юности и зрелых лет, погруженный в интенсивное течение современного художества, но и как бы вычлененное из него духом и этикой его личного суще-

ствования. Художник трагический, исключительной судьбы, он не роптал в творчестве, но создавал, собирал по крупницам подлинную жизнь и возводил ее в образы недоступно правдивых на пьедестал своего искусства — совершенного, уникального, неотразимо воздействующего духовным внушением и художественной плотью, какая могла состояться только в России и только в XX столетии, на перепутье избороздивших сердце человеческое дорог из прошлого в будущее, предвосхищающих пути к истине. Таково коринское искусство — монументальное, но сплошь из живых нервных клеток. Святослав Рихтер в связи с коринским портретом пианиста Игумнова заметил: Павел Дмитриевич Корин — художник блестящего мастерства и острого реального видения. Его портреты предельно досказаны, они, если можно так выразиться, архитектурны, поэтому они так убеждают. Я никогда не забуду мою встречу с ним в его мастерской...

В московской мастерской Корина — затерявшемся среди высоких новых домов маленьком флигеле, перестроенном стараниями Максима Горького из бани-прачечной под дом для Павла Дмитриевича, — черный роаль стоит в одной из жилых комнат, в той именно, где обитает редкостное коринское собрание древнерусского искусства. В какой-то момент может даже показаться, что магические взоры с икон устремлены к роалю и охраняют его. В жизни и творчестве Павла Корина дух и культура повенчаны.

В кругу живых коринских героев, вызванных к долгой жизни его острым зрением и даром символической многозначности в мыслях о «Руси уходящей», и знаменитых его воплощений Максима Горького и Василия Качалова, неожиданно просто, по праву трагического единства вставших в один ряд с героями «сочиненными», хотя и писанными с натуры, — я простоял з этот раз не менее целого часа и не сразу отметил это: время здесь переживается интенсивно, а суета и смятение в одеждах повседневного беспокойства остаются ждать тебя за порогом коринского дома на Малой Пи-

роговской. Павел Дмитриевич писал свои этюды-картины к «Руси» (конечно же, они под стать этюдам-картинам Александра Иванова к «Явлению Мессии» и — совсем в ином измерении — Этюдам-картинам Рахманинова) в окружении Вереры Милосской (копия) микеланджеловских Давида и Моисея, своих удивительно красивых итальянских пейзажей и классических копий: поездка в Италию в 30-х годах, устроенная все тем же Горьким, переменяла жизнь и этого русского художника!

Все уживалось в этом доме и в этой жизни — Россия и мир, дух и культура...

...Прасковья Тихоновна, верная спутница всей коринской жизни прошла к старинному комоду, отперла ящик, достала фотографию: Для «Известий»...

Павел Корин стоял среди своих спутников жизни и сам уже казался творением величайшего из художников — Жизни. А белое огромное полотно, натянутое на подрамник, приготовленное для «Руси уходящей», оставил он нетронутым.

Быть может, будущие русские художники угадают пути России...